

K 68

КА МОЛОДОГО РАБСКОГО

ОРДЛЕНКО

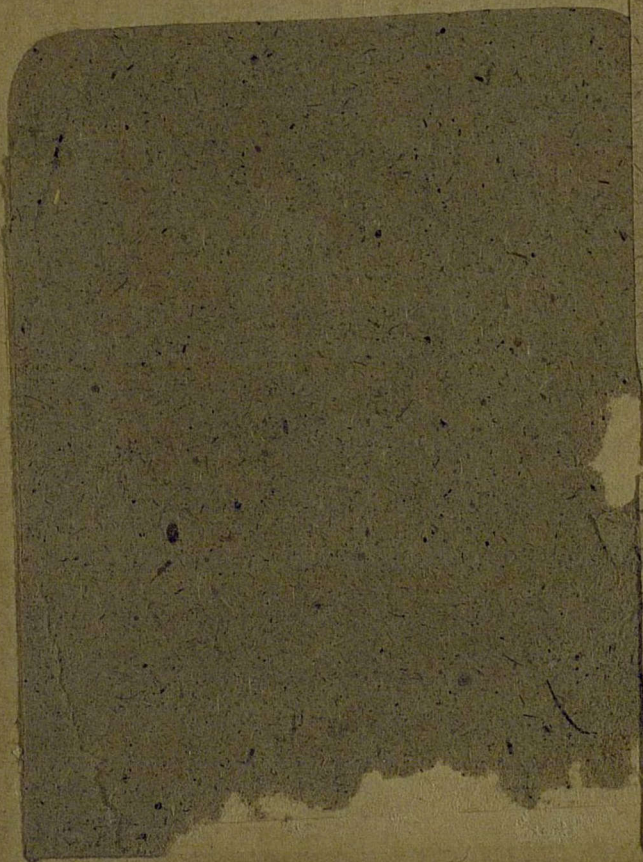

МАЛЫШКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ

20/11

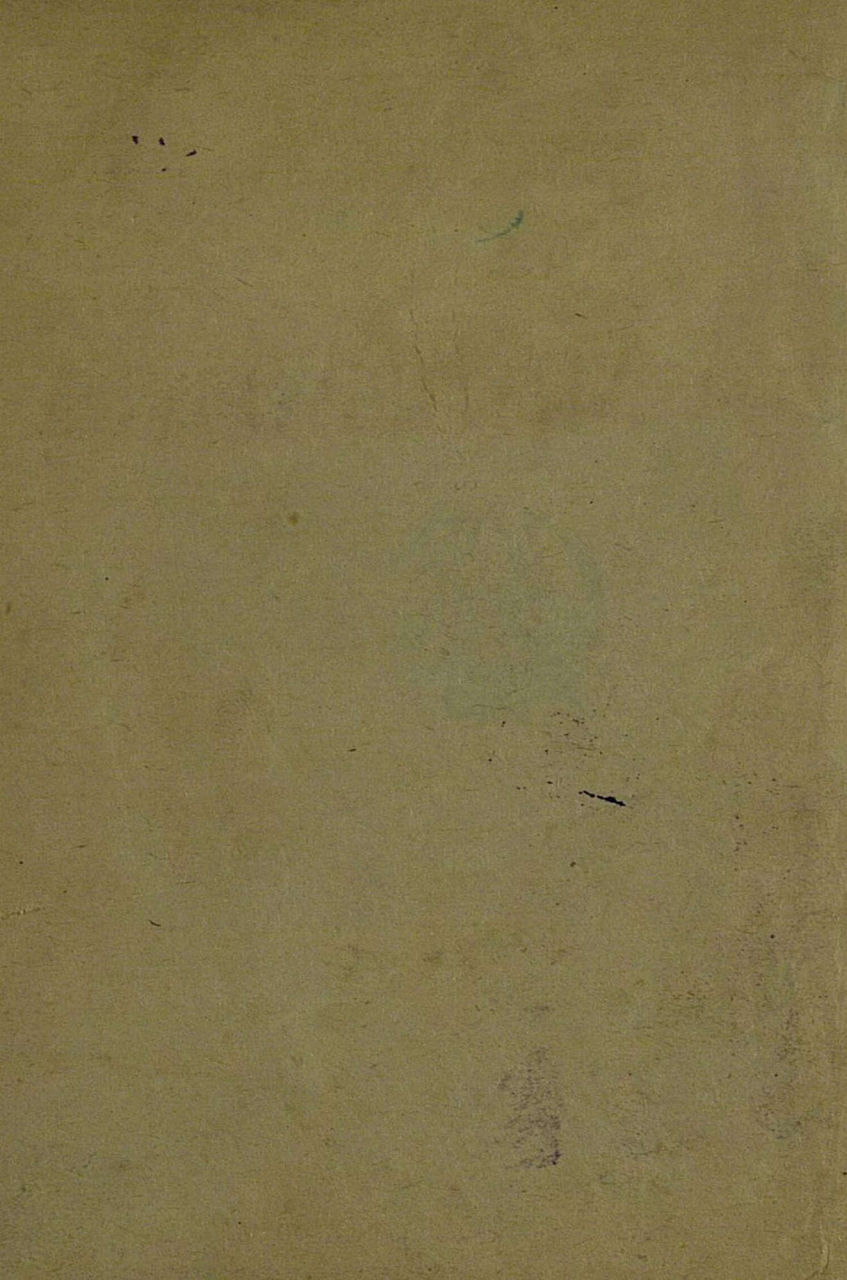
APR. 1898

0

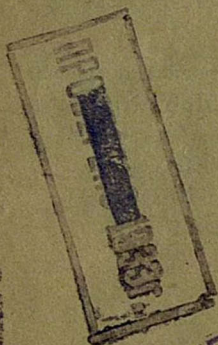
БИБЛИОТЕКА МОЛОДОГО РАБОЧЕГО

В. КОРОЛЕНКО

СТ
К-68

К-682

ДВА МАЛЬЧИКА

ЮНОШЕСКИЙ СЕКТОР
ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПРОЛЕТАРИЙ“

1 9 2 5

ср и стр

Напечатано в первой типографии
Издательства „Пролетарий“,
Харьков, Пушкинская, 40,
в колич. 10000 экзempl.
Укрглавлит № 16074.
Заказ № 1072.

13200

1917-58 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГМЗА

664956 Кх - Рег

Российская государственная
детская библиотека

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Имя писателя Владимира Галактионовича Короленко, вероятно, известно каждому развитому и сознательному рабочему. На Украине во многих городах существуют библиотеки и другие культурно-просветительные учреждения его имени; его же именем названы некоторые улицы. Излишне говорить, что это уважение к имени Короленко при жизни и к памяти его после смерти (умер в 1921 году) проявлено уже при Советской власти. У царского правительства Короленко был далеко не в почете и не мало лет провел в сибирской ссылке.

Чем же вызвано это уважение со стороны трудящихся классов и преследования, граничащие с ненавистью, со стороны царского правительства?

В. Г. Короленко — исключительно цельный тип писателя гражданина, неподкупной

честности, исключительной искренности и прямолинейности. Он всеми силами своей души ненавидел всякую неправду, всякое насилие над слабым, — будь это крестьянин, рабочий, или полудикий сибирский инородец, — и боролся с неправдой и насилием единственным оружием, которое было в его руках, — пером. Этого пера нельзя было купить ни за какие блага, ни за какие деньги. Оно служило только тому, кто, действительно, нуждался в защите.

Эта характерная черта Короленко наложила отпечаток на все его творчество. Он выступал то в качестве писателя-художника, то в качестве общественника-обличителя, и потому многие художественные произведения его страдают некоторой сухостью, а в статьях общественного характера чувствуется перо большого художника. Короленко мог бы сказать о себе словами Некрасова:

Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

Статьи Короленко по делу о мультанском жертвоприношении (диких вотяков обвиняли в приношении людей в жертву

oo

идолам), о деле курсистки Золотовой, изнасилованной жандармским офицером на станции Тихорецкой, о бакинском генерале, приказавшем денщикам высечь врача, — были в свое время образцом проявления гражданского мужества. В процессе о мультанском жертвоприношении Короленко выступал в качестве защитника и добился оправдания обвиняемых.

Из художественных произведений Короленко наибольшей известностью пользуются „Слепой музыкант“, „Сон Макара“, „Старый звонарь“, „Лес шумит“ и др. Коротенькая вещица „Огни“, написанная в эпоху самой бесправной реакции, символизирует неугасимую веру Короленко в светлое будущее: в темную ночь он все-таки видел, — чего не видели другие, — „впереди огни“.

Судьба сложилась так, что незадолго до смерти перед Короленко, действительно, вспыхнули огни, к которым он так стремился, в которые он так верил в течение всей своей жизни, — огни победы пролетарской революции. Огни вспыхнули, может быть, не там, где ожидал их

oo

увидеть старый писатель-общественник, и он смотрел на них с некоторым тревожным недоумением, но это недоумение, эту неспособность полностью воспринять величайшее в мировой истории событие—освобождение рабов капитала от угнетавших их цепей, понял и простил рабочий класс. И когда в маленькой сонной Полтаве навеки закрыл глаза Короленко, рабочий класс и его правительство проводили его до могилы, как великого национального писателя, и память о нем навсегда будет окружена глубоким уважением.

Завод работал. Приближался полдень жаркого весеннего дня, и площадь перед заводом притихла. Лачуги, где жили семьи рабочих, глядели на площадку подслеповатыми маленькими окнами. Движения не было. Казалось, заводская слободка томится в ожидании обеденного свистка...

Начальник завода, Доримедонт, или, как его звали рабочие, — Дормидон Иванович Вахрушин, вышел из своего просторного и светлого, но довольно скромного дома и направился через площадь к заводу. Каждый день в это самое время выходил он из дому и проходил через площадь обычной неторопливой походкой, глядя на молчаливую, хорошо знакомую слободку несколько заплывшими добродушными глазами. Это был мужчина немолодой, довольно тучный, с красным лицом, еще более красным носом и большими опущенными вниз усами. Одет он был в старую полушинель с потускневшими медными пуговицами, а на голове у него, несмотря

на жару, была надета косматая баранья папаха.

Пройдя менее четверти пути, Дормидон Иванович остановился, прикрыл глаза ладонью от солнца и присмотрелся к фигуре, бежавшей по боковой дорожке наперерез.

— Поп бежит... — констатировал он, и легкая улыбка шевельнула его усы. За попом, слегка упираясь, бежал какой-то мальчишка, которого он тянул за руку, и другой, бежавший в нескольких шагах сзади.

— Здравствуйте, батюшка, куда так торопитесь?.. — произнес Дормидон Иванович, подойдя к тому месту, где дорожка пересекалась.

— К вам, Доримедонт Иванович, — к вашей милости прибегаю, — ответил запыхавшийся священник... — Не угодно ли будет?

И он протянул начальнику завода табакерку.

— Отроков вот хочу на завод определить...

— А чьи они? — спросил начальник, взяв из табакерки священника порядочную понюшку.

Он старательно закладывал табак, закрыв одну ноздрю и прижмурив один глаз. Священник, рядом с которым стояли два

маленьких оборванца, только что собрался ответить, как вдруг Дормидон поднял голову, сделал ужасную гримасу и громогласно чихнул.

— Здорово чихнул... — простодушно заметил один из оборвышей, ширококостный загорелый мальчишка с черными, несколько дикими глазами.

— Что сказал? — спросил начальник завода, склоняя ухо, чтобы лучше слышать, и уставившись на мальчишку добродушными слезившимися глазами. При этом большой, пунцово-красный нос, еще разгоревшийся от только что принятого заряда, привлек на себя наивную наблюдательность маленького дикаря.

— Нос у тебя... ну, и красный же!... — сказал он и покачал головой.

— Ах ты, шельмец! — заворчал начальник брюзгливым голосом. — Тебе, негодяю, какое дело... А! скажите, пожалуйста!

И он протянул было руку, чтобы схватить мальчишку за вихор. Но юркий дикарь ловко увернулся.

— Сиротки-с, — вздохнул священник, отвечая на первый вопрос начальника и стараясь замаять неловкую выходку мальчишки.

— Нет, вы посмотрите-ка... Нос ему не понравился, — изволите видеть!.. — жаловался Дормидон, обиженно глядя искоса

на мальчика, который стоял в трех шагах. Маленький дикарь понял, что старик с красным носом осердился, и потому он держался настороже, видимо, готовясь в случае крайности к побегу.

— Простите несмысленного... — кротко заметил священник. — Сиротки оба, некому было научить... — И он опять протянул начальнику табакерку.

— Откуда? — спросил Дормидон, смягчаясь.

— Моего приходу. Один из Палихи, вот этот (и он указал на черного дикаря). Мать недавно умерла, а отец, может, слышали, — духовного звания человек, расстрига, где-то по свету шатается. Неведомо, жив ли или принял уже безвестную кончину. А другой, — священник наклонился и добавил шопотом, — происхождения, можно сказать, благородного.

При этих словах отец Иоанн тряхнул свою широкую рясу, точно желал из нее вытряхнуть жука или таракана. Действительно, сзади, стараясь укрыться в складках, прильнул к священнику худой белокурый мальчишка.

Два больших глаза, испуганных, точно у пойманного голубя, уставились на Дормидона, и мальчик опять потянулся к священнику грязными худыми рученками.

— Вот оно что... — кивнул Дормидон головой. — Как же это... а? случилось-то?..

Священник опять наклонился к уху начальника.

— Была тут, знаете, духовного звания вдовица... в бедственной своей жизни совратилась с пути... Вероятно, изволили знать господина Пандектова, инженера...

— Знал... От него, подлеца, можно ожидать.

Священник вздохнул и слегка возвел глаза к небу.

— В Петербурге теперь, говорят... наслаждается жизнью, а несчастная сия, приняв многое безчестие и тяжело искупив свой грех, недавно скончалась. Так вот я к вашей милости прибегаю с заступничеством. Примите сирых на ваш завод...

Дормидон опять принял понюшку, прочихался, на этот раз без всяких замечаний со стороны дерзкого Сеньки, и затем кликнул проходившего мимо чернорабочего.

— Эй ты, как тебя...

Рабочий подошел и, неповоротливо сняв фуражку, ответил:

— Аксеном звали.

— Куда идешь, Аксен?

— Да вот, Дормидон Иваныч, от монтера теперича...

— Ну ладно, от монтера после сходишь. А пока води вот этих двух к шорнику. Слышишь? Скажи: начальник прислал. Пусть пока в сторожевской живут. Кормить их там... понимаешь?

— Понимаем... — кивнул рабочий головой. — Ну, ступай, пострелята, вперед!

Священник перекрестил мальчишек уже вдогонку и пошел по улице рядом с Дормидоном, довольный, что удалось исполнить доброе дело. Судьбу двух сироток он считал устроенной. Неуверенным шагом двое мальчишек, приближавшихся теперь к черным воротам завода, — вступали на определенную жизненную дорогу.

Из большой трубы, торчавшей над заводскими постройками, валил дым; глухой смешанный гул неся из темных заводских зданий. Гул этот, по мере того, как мальчишки подходили к заводу, усиливался и будто надвигался на них. Белокурый Ванька, быть может, от благородных родителей унаследовал более тонкую организацию и чуткое воображение; его лицо все более омрачалось и становилось грустнее. В угрюмом ворчании завода ему слышался скрежет и сдержанное злобное ожидание... Темная полоса дыма лениво и с какой-то безнадежной медленностью развертывалась траурной полосой высоко

в синем небе; теперь она клубилась над его головой, скрывая солнце, и ее мрачная тень отражалась на детском лице. Голубые глаза наполнялись слезами, зрачки расширялись, и выражение беззащитности и покорного страха застывало в тонких чертах.

Когда дети прошли по коридору входной будки и ступили во двор, — их поразило внезапно наступившие молчание. Стук, грохот и металлический скрежет завода вдруг прекратились, точно по волшебству, и только черный дым попрежнему застилал солнце.

— Пошел, пошел, — чего боишься, — подтолкнул рабочий остановившегося в испуге мальчишку. — Слышь, братец! — окликнул он пробегавшего мимо другого рабочего. — Где шорник?

— У главного приво^{ду}, — сказал тот, пробегая мимо. — Вишь, она стала.

Они направились через двор к темневшей внизу двери.

— Тебя как кличут, слышь?

Ванька почувствовал, что его дергают за рукав. Это невольный товарищ его бедствий, храбрый Сенька, нашел в себе достаточно развязности, чтобы вступить в разговор. Ванька посмотрел на него мутным взглядом и ничего не ответил; но этот немой взгляд, эти искаженные черты были,

повидимому, очень красноречивы; казалось, они объяснили менее чуткому Сеньке их общее положение. Он взглянул на сдержанно-молчавшее темное здание, на черную пелену дыма, которая все так же медленно клубилась в вышине, и вдруг остановился. Его черные глазенки забегали по сторонам, вся юркая фигура как-то сократилась, точно у зверка, готовящегося скользнуть в какую-нибудь нору. Провожатый во-время заметил эти приготовления и поспешил разрушить их посредством легкого подзатыльника.

— Пошел, пошел вперед... — Ишь, озирается, волченок...

Сенька рванулся было вперед, но вдруг повис на воздухе, прихваченный за шиворот крепкой рукой. Ванька смотрел на эту сцену с выражением горестного изумления.

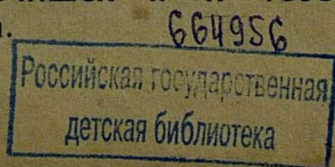
Через несколько секунд Сенька, барахтавшийся ногами, очутился внутри здания, у входа в кочегарную.

Провожатый поставил его на пол, выждал, пока Ванька покорно последовал за ними, и уселся на пороге.

— Шорни-к... — окрикнул он, вынимая кисет с табаком.

— Здесь, — глухо произнес будто из-под земли невидимый голос.

— Мальчишек я к тебе привел от начальника.

— Погоди.

— Да один, слышь, стрекануть норовит...

— Посторожи. Сейчас я...

Ванька прижался к стене; его строптивый товарищ, видя выход загороженным, сердито потупился и как-то искоса, боком подошел к тому же месту.

— Гляди-ко-сь... внизу-то, внизу-то... — сказал он через несколько секунд, опять дергая Ваньку за рукав. Но Ванька и без этого приглашения не мог оторвать глаз от зрелища, зиявшего в трех шагах, под их ногами.

Несколько каменных ступенек обрывалось в темноте громадного подполья. В глубине этой ямы красноватый свет ходил неопределенным отблеском во мраке, на фоне которого сверкали два громадные огненно-красные глаза; из-за раскаленных до-красна печных заслонок слышалось сердитое ворчание и треск пламени.

Что-то лязгнуло в глубине ямы, одна заслонка быстро распахнулась, пламя пыхнуло из нее, и на светлом фоне появился черный силуэт человека. Сунув длинную кочергу в огонь, он быстро и с ожесточением стал шевелить спекшуюся грудку угля. С бешеным треском поднялась туча искр, и человек потонул на мгновение в ослепительном блеске.

доставивший мальчишек рабочий. Легкая струя воздуха пахнула на них и полилась струей ветра. Мальчики отскочили к противоположной стене.

У того места, где они раньше стояли, началось движение. Прижавшийся к стене громадный маховик, наполовину спрятанный в отверстии пола, — дрогнул, качнулся, и мальчишкам показалось, что колесо гигантской телеги набегаёт на них. Ветер ударил сильнее, колесо заворчало, громадная спица выглянула из-под полу, скользя на сером фоне стены. Она лениво поднялась, стала вертикально, склонилась и торопливо нырнула в подполье, увлекая за собой другую; через минуту колесо, ворча, шипя и слегка колеблясь, скользило по круговой линии, тяжело вздрагивая на ходу, а спицы взлетали и падали одна за другой, без остановки и перерыва.

Телега была в полном ходу. Внизу, под полом, за стенками и над головами мальчишек покатился немолчный грохот. В смежной длинной мастерской, на которую до этой минуты мальчишки не обращали внимания, какой-то хаос из валов, поршней, колес, ремней, станков и людей теперь пришел в движение, присоединяясь к общему гулу. Железо завизжало маталлическим скрежежом, шестерни дребезжали, точно пересы-

паемые камни, приводные ремни сухо трещали и шипели, рассекая в бесконечном движении воздух...

У Ваньки кружилась голова. Его глаза поворачивались инстинктивно, следя за быстро мелькавшими спицами, в лице застыло выражение бессмысленного страдания, глаза потускли, веки отяжелели. Гигантская телега набежала на него, и он слышал со всех сторон над собой, вокруг, даже внутри замиравшего сердца — ее неумолкающий грохот.

Он уже не отдавал себе ясного отчета в том, что происходило, и нисколько не удивился, когда из-под полу, у самого центра колеса, в том месте, где свистели и мелькали чугунные спицы, появились очертания человеческой фигуры. Ему казалось, что спицы, проходят через эту фигуру насквозь, не задевая ее и не принося ей вреда, но это его не поражало. Фигура налегла на руки, человек поднялся и вспрыгнул на пол.

— А который тут бегун у тебя? — обратился он к сидевшему у порога рабочему.

— Эво! — мотнул тот головой, отряхав в кисете крошки табаку.

Рука так внезапно появившегося человека вдруг прихватила Сеньку за вихор.

Пораженный в первую минуту удивлением, Сенька только двигал покорно головой вслед за рукой шорника. Однако, вскоре он потерял терпение и испустил, без всяких предварительных приготовлений такой громкий и отчаянно-резкий вопль, что из соседней мастерской стали выбегать рабочие, и даже безбровый и весь опаленный кочегар сверкнул из ямы своими белыми зубами. Шорник выпустил волосы Сеньки.

— Ишь, чертенок... Как его, братцы, прорвало, — сказал он не без удивления.

— Ловок орать! — прибавил чернорабочий, закуривая цыгарку.

Действительно, во время своей недолгой, но уже исполненной самых горестных приключений жизни, Сенька успел выработать особую интонацию крика, которая, как он убедился многократным опытом, озадачивала и ошеломляла всякого настолько, что наказующая рука инстинктивно разжималась.

Это было своего рода орудие в житейской борьбе, и Сенька владел этим орудием в совершенстве.

С тех пор, как Ваньке крикнули в первый раз: „берегись“, и он отскочил от колеса, с тех пор, как грохот завода в первый раз охватил его со всех сторон и пока-

тился над его головой, — ощущение страха и какой-то „жуткости“ уже не прекращалось. Гигантская телега все катилась, ворочая тяжелыми колесами, громохая и угрожая со всех сторон.

— Берегись! — кричали Ваньке в мастерских, где ремни грозили захватить его своим вращением, — берегись, берегись, берегись!.. — Тачки с железом мчались мимо, катились стопудовые валы, громадные цилиндры, препровождаемые в сборную, перекатывались сердитым и гулким громом. — Берегись!

Яркая жгучая окалина сыпалась из-под молотов в кузнице, в кричной на железных шестах носили раскаленные до-красна „крицы“, переливавшие пламенем и трещавшие, будто от ярости, от страшного жара. Из-под прокатных валов тянулась горячая сталь, и всюду Ваньке кричали: „берегись“, и всюду он чувствовал себя на дюйм от опасности и гибели; в лучшем случае ему приходилось жмуриться от предостерегающих подзатыльников.

Даже ночью, в сторожевской, он всхлипывал по временам и нервно вздрагивал, а чуть брезжило утро, резкий свисток опять кричал ему: „берегись“, и мальчик быстро вскакивал на ноги, предупреждая неласковое прикосновение суровой руки шорника.

Оба мальчика поступили к шорнику в науку. Наука была не хитрая; нужно было заготавливать тонкие ремешки и сшивать ременные полосы. Каждые полчаса откуда-нибудь кричали: „шорни-и-к!“ — и старик кидался по лестнице вниз, чтобы связать разорванный привод. В свободные промежутки он чинил старые сапоги, бродни и бабьи „чирки“, что давало ему сторонние доходы. Этой премудрости он начал обучать и своих новых учеников.

Впрочем, у мальчишек, кроме шорника, было не мало непосредственного начальства: в сущности, весь завод заявлял на них права, и, как шорник ни ворчал и ни ругался, — все же их то и дело посылали в разные концы завода с самыми разнообразными поручениями.

Сенька быстрее ориентировался в суетливой обстановке. Он сначала присмотрелся к наиболее опасным местам, изучил характер машин, запомнил, где выдвигаются поршни, где можно получить удар какого-нибудь рычага, каких-нибудь железных пальцев, шнырял незаметно и быстро под руками особенно сердитых рабочих. В несколько недель он усвоил уже и общий ход всего грохочущего и вечно подвижного чудовища-завода, и сделал попытку приладиться к нему с наибольшим удобством.

В большой комнате, где работал шорник, в углу лежали кучи железной ломи и всякого мусора. У окна, освещавшего эту комнату, шорник приладил свою незатейливую мастерскую. Дальняя половина тонула в вечном сумраке, падавшем от потемневших и закоптелых стен. Когда дверь была заперта, — в комнате становилось сравнительно тихо. Гул и грохот завода скрадывали сумрачные стены, и только окна вздрагивали по временам и жалобно звенели от тяжелых ударов парового молота. Однажды, когда шорник вышел, Сенька проскользнул за мусорную кучу и прилег там в уютном углу. Заслышав шаги по лестнице, мальчишка тотчас же выскочил оттуда, но угол ему понравился. Он натаскал туда сена и устроил гнездо. Понемногу он стал смелее, и когда шорник возвращался на место, он продолжал лежать еще некоторое время. Затем, тихо прокравшись к двери, вбегал в комнату, будто возвращаясь откуда-нибудь с „посылки“. Ванька только дивился смелости своего друга.

Однажды шорника позвали к главному приводу. Он собрал целую вязанку тонких ремешков, взял нож, широкую полосу ремня и удалился. Сенька тотчас же юркнул в гнездо.

— Ванько, а Вань!.. — окликнул он, выглядывая оттуда, как заяц из своей ямки. — Подь сюда-а-ты!.. Право.

Ванька испуганно оглянулся. Предложение было заманчиво и страшно. По случаю большого заказа завод работал усиленно, и на мальчишках это обстоятельство отражалось тем, что их глаза подвелись синими кругами и потускли, ноги ныли от постоянной беготни, а подзатыльники сыпались на них еще чаще.

Ванька робко подошел к мусорной куче. Сенька лежал там, будто на перине. Его совсем не было видно, места было более чем достаточно на обоих. Ванька поддался соблазну. Через несколько минут в ушах Ваньки грохот завода стал будто стихать, стушевываться и, наконец, совсем смолк, только ноющее чувство страха и грозящей беды не перестало носиться над головой уснувшего ребенка.

Характер у шорника был суровый. Сидя в своей мрачной комнате, на „седухе“, он не знал никогда „спокою“, ежеминутно ожидая призыва к приводам. Такая собачья должность естественно располагала к некоторой ожесточенности нрава, и потому шорник вечно ворчал что-то про себя, ругая и людей, и завод, и ремни, и даже скотину, из которой ремни были пригото-

влены. Этой же строгостью были отмечены и отношения шорника к ученикам. Он понимал, что мальчишки отданы ему в „науку“, и имел довольно высокое представление о своем долге по отношению к ним, но осуществлял этот долг по-своему: задавал, ворча, работу, ворчанием же выражал свое удовольствие, если работа исполнялась хорошо, — неудовольствие же и наставление преподавал в форме трепки и подзатыльников.

Вернувшись от главного привода, он заворчал, что мальчишек опять услали. „Не собаки тоже... и опять же надо к делу обучать, а вместо того, — все на побегушках. Сказать Дормидону... ей-Богу, баловство!“. Он сердито поправил ногой седуху, сердито приладил широкую полосу ремня и ожесточенно воткнул в нее трехгранное шило. Вдруг его серое лицо вытянулось, брови приподнялись от удивления. Из угла послышался долгий вздох сладкого сна.

Прислушавшись еще, шорник подошел к мусорной куче, взглянул на нее и остановился, пораженный изумлением: мальчишки спали, обнявшись. Ванька свернулся при этом калачиком и спрятал голову на груди Сеньки. Последний одной рукой охватил приятеля, другую широко откинул и весь развалился. Эта возмутительная поза,

казалось, была рассчитана нарочно, чтобы возбудить в шорнике сильнейшее негодование, так эта мирная беспечность противоречила сердитой озабоченности гремящего и пыхтящего завода.

Завод имел свои неписанные, но непреложные законы. Как за свистком следовало начало работ, с такой же неизменностью за проступком мальчишек должна была последовать трепка. Данный проступок выходил из ряда; он поразил шорника своей неожиданностью и громадностью вины. Вечно гремящий завод не знал, пожалуй, ничего, что больше нарушало бы его уставы, чем этот мирный сон в тихом углу двух забывшихся мальчишек. Если бы они сами не спали в эту минуту, они бы слышали укоризненный рев старого завода, призывающий на них примерную кару.

Шорник был человек систематический. Очнувшись от удивления, он приотворил дверь и, перегнувшись через перила лестницы, поманил к себе рабочего из кочегарной. Тот вошел в комнату, взглянул по молчаливому указанию шорника на мальчишек и осклабился с довольным видом. Среди надоевших будней — ему предстояло некоторое развлечение. То, в чем суровый шорник видел свой долг, для рабочего являлось своего рода удовольствием.

Шорник выбрал средней длины круглый ремень протянул его в руке и взмахнул в воздухе. Ремень оказался подходящим, — размашистым и хлестким. Рабочий, сверкая белыми зубами, подошел к мирно спавшим мальчишкам. План шорника состоял в том, чтобы поднять обоих за уши, а затем, поочередно, наказать ремнем, для чего и нужен был помощник.

Первая часть плана была исполнена с успехом. Оба преступника в одно мгновение почувствовали странное ощущение и наполовину повисли в воздухе. Шорник поднял их за уши в известной симметрии, повернул к себе и взглянул в лица мальчишек своим суровым, бесстрастным взглядом. На детских лицах виднелось недоумелое выражение испуга и боли. Несколько раз хлопнув сонными глазами, они, казалось, стали приходить к пониманию действительности. Завод ревел и бесновался, шорник глядел неумолимым судьей, белые зубы кочегара сверкали равнодушным весельем.

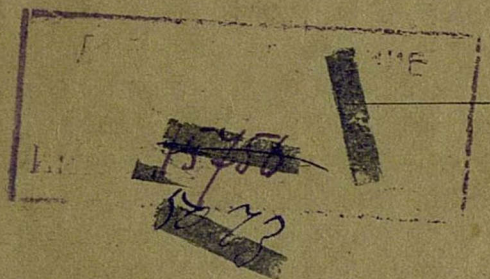
— Дяинька, дяинька-а-а... — пискнул Ванька, тяжело повиснувший в левой руке шорника, между тем как Сенька барахтался с молчаливым ожесточением. Он не просил пощады. Он знал характер старого завода, знал, что спать не полагается, знал, что

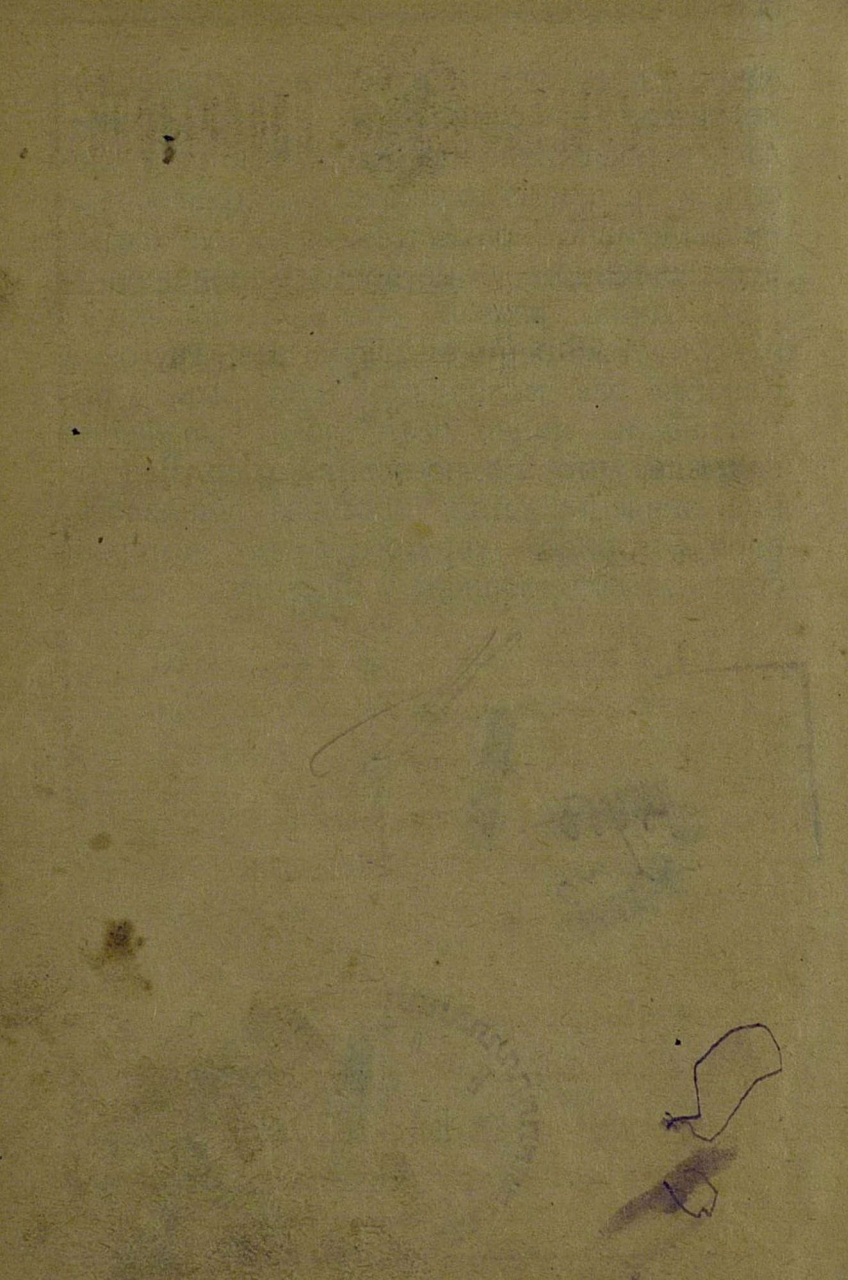

oo

вечно чинить ремни и бегать по приводам не весело, — и сумма этих знаний сложилась в представление о неизбежности жестокой трепки. И только его шустрое тельце инстинктивно барахталось, протестуя против неестественного и неудобного положения.

Шорник развел головы мальчишек и стукнул их одну о другую, раз, другой... Каждый раз мальчишки шурились, и потом на их лицах появлялось выражение надежды, что это последний удар. Радостное значение этой надежды умаялось, впрочем, видом упругого ремня, который болтался под мышкой у шорника.

Издательство „Пролетарий“

Правление и склад — Харьков, ул. Свободной Академии 5. Тел. № 10-07.
Московское отделение. — Кузнецкий мост, № 5|15, пом. 15. Тел. № 3-01-99.

НА-ДНЯХ ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ

С Е Р И Я

БИБЛИОТЕКИ МОЛОДОГО РАБОЧЕГО:

А. Неверов — Большевики.

Б. Келлерман — Шахта дяди Тома.

Д. Кассель — Меирка из малого Бунда.

И. Смирнов — Казачок.

Джек Лондон — Забастовал.

А. Бирик — Клепают токаря.

Ив. Вольнов — Детство Ванюши.

А. Малышкин — Падение Допра.

Е. Яхонтов — Маленький носильщик.

А. Серафимович — Заяц.

Карл Либкнехт в клубе молодежи.

Виктор Гюго — Гаврош.

Анри Барбюс — Железный вихрь.

Издательство „Пролетарий“

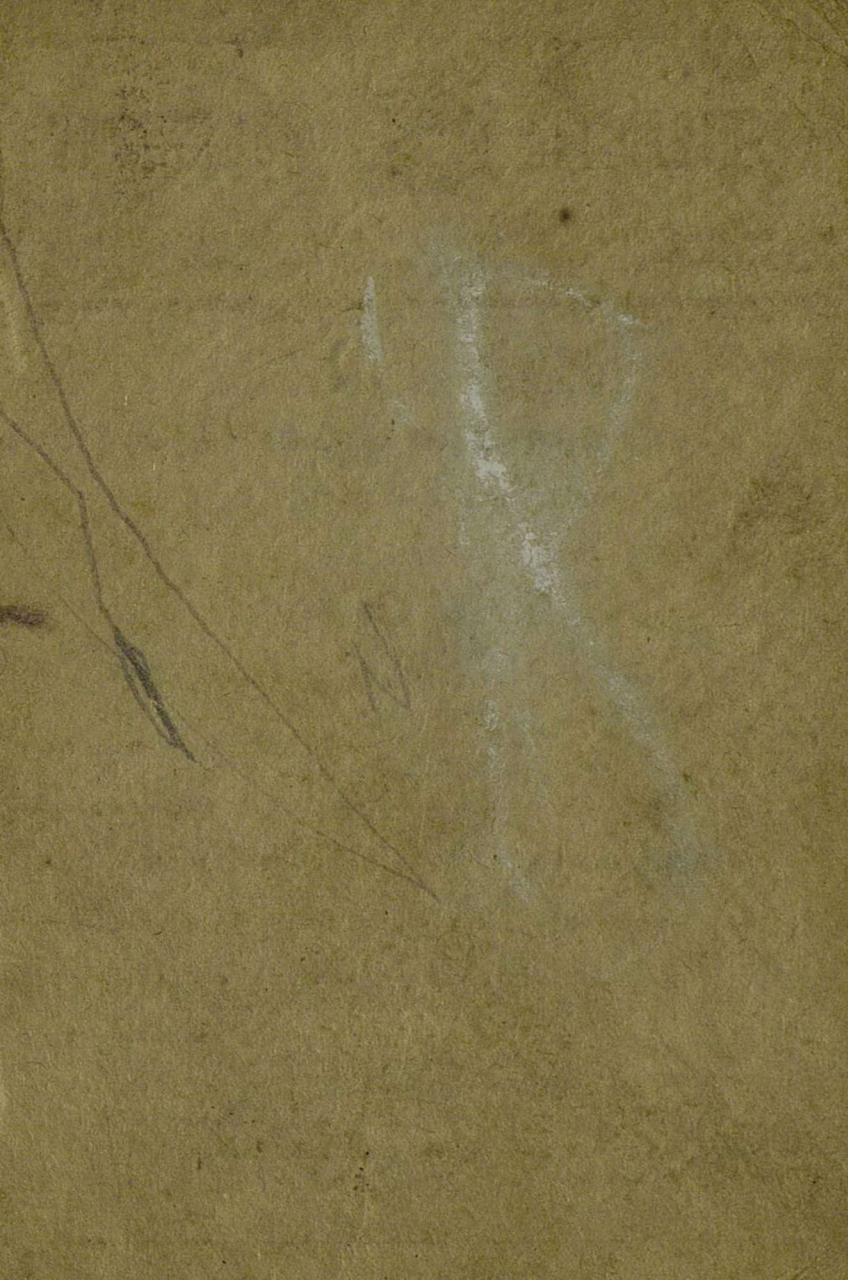
Правление и склад — Харьков, ул. Своб. Академии 5. Тел. 10-07
Московское отдел. — Кузнецкий мост, № 5/15, пом. 15. Тел. 3-01-99

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ БИБЛИОТЕЧКА РАБОЧЕГО

под редакцией Б. И. ГОРЕВА:

- № 1. А. Панов — Земля и небо — 15 к.
- № 2. Г. Боссэ — Человек-завод — 15 к.
- № 3. „ Как творится жизнь — 15 к.
- № 4. „ Тело — хозяин души — 15 к.
- № 5. М. Баскин — Что такое философия — 12 к.
- № 6. С. Волжанин — Что такое исторический материализм — 15 к.
- № 7. „ Чему учит политическая экономия — 15 к.
- № 8. А. Макс — Сущность империализма — 12 к.
- № 9. А. Ельницкий — От эпохи первобытного человека до коммунизма — 15 к.
- № 10. В. Рожицын — Как буржуазия пришла к власти — 15 к.
- № 11. Арк. А-н — Рабочее движение на Западе — 12 к.
- № 12. А. Ельницкий — Династия Романовых и ее роль в истории России — 15 к.
- № 13. Х. Цинцадзе — Революционное движение в России от Разина до наших дней — 15 к.
- № 14. „ Государственное и экономическое строительство Сов. Союза — 15 к.
- № 15. Б. Горев — Маркс и Ленин — 12 к.
- № 16. М. Левилов — Главнейшие государства мира — 15 к.
- № 17. Б. Гимельфарб — Великие писатели Запада — 15 к.
- № 18. И. Кубиков — Великие писатели России — 15 к.

10 10k

100 =

ОБЩЕСТВО ИЗДАНИЙ

Свободной Академии

Члены и ст.
Летопись

5
от